

РЕЦЕНЗИИ

УДК 267

Моральные и прикладные теологические вопросы реализации конституционных свобод совести и вероисповедания*

Игумен Серапион (Митько)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бул., 11

Для цитирования: Митько А. Е. Моральные и прикладные теологические вопросы реализации конституционных свобод совести и вероисповедания // Вопросы теологии. 2021. Т. 3, № 4. С. 581–587. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2021.410>

В рецензии на монографию канд. юрид. наук К. М. Андреева «Право верить в современной России (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания)» рассматриваются основные направления авторского анализа современного российского законодательства о свободе совести и религиозных объединениях, а также правоприменительной практики. Эта книга стала одним из немногих трудов по данной актуальной проблематике. Кроме того, в рецензии затрагиваются вопросы, возникающие при пересечении исследовательских полей философии, теологии и права. Отмечены высокий уровень рецензируемого исследования, его актуальность, теоретическая ценность, научная значимость, междисциплинарный характер. Рассматривается невозможность применения законодательства в едином формате к конфессиональным направлениям, отличающимся исторически и культурно; анализируется точка зрения автора относительно реализации религиозных конституционных свобод, приводятся полемические аргументы по вопросу причин сложностей реализации конституционных религиозных свобод. Выделяются проблемы терминологии и законодательного регулирования некоторых аспектов миссионерской деятельности в контексте последних федеральных

* Рецензия на монографию: Андреев К. М. Право верить в современной России (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания). М.: Первая Образцовая типография, 2020.

- © Санкт-Петербургский государственный университет, 2021
- © Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 2021

нормативных актов. Указывается на особенности интерпретации автором проблемы «религиозной тайны». Отмечена ценность труда К. М. Андреева для представителей нескольких отраслей науки.

Ключевые слова: религия, свобода совести, свобода вероисповедания, государственно-конфессиональные отношения, гражданское общество, административное право, конституционное право.

Новую книгу канд. юрид. наук Константина Михайловича Андреева — монографию «Право верить в современной России (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания)» — хочется читать и перечитывать, полемизируя с автором по некоторым вопросам. Само по себе это желание указывает на высокий уровень данного исследования, потому что только серьезные монографии вызывают желание спорить.

В книге достаточно полно рассматривается актуальная проблематика современного законодательства в сфере свободы совести и религиозных объединений, обобщен и проанализирован опыт правоприменения действующих норм, особенно поправок, именуемых «законом Яровой». Автор указывает на дефекты законодательства и его искажения в правоприменительной практике. Следующим этапом должно стать выявление причин такого состояния дел. Здесь недостаточно ограничиться указанием на нарушение принципов светскости и равенства, необходимо заглянуть значительно дальше и глубже, спросить, что понимает Конституция РФ 1993 г.¹ под религией, светскостью и равенством, когда провозглашает свободу совести и вероисповедания. В самой Конституции этих дефиниций не содержится, и здесь мы сталкиваемся с понятием правопонимания, о котором пишет автор. Возможно, что правопонимание многих вкладывает в эти базовые понятия смыслы, унаследованные от антирелигиозного прошлого. Правовое понятие религии характеризуется юридической неопределенностью, понятие светскости зачастую воспринимается как свидетельство базовой нерелигиозности государства, атеистическое мировоззрение рассматривается как базовая характеристика личности, а религия — лишь как одна из возможных его модификаций. Слишком долго наше общество являлось объектом антирелигиозной пропаганды, поэтому до сих пор многие сограждане воспринимают религию как сферу недолжного, как внешнюю по отношению к праву область деятельности.

Отдельного рассмотрения заслуживает принцип равенства. Не вызывает сомнения, что религиозные объединения должны быть равны перед законом, а граждане не должны быть ущемляемы в правах на основании их религиозной принадлежности. Многие понимают юридическое равенство как необходимость установить фактическое равенство религиозных объединений, однако в силу своих различий религии не равны перед историей и культурой нашего общества, тем более дефективны попытки

¹ Здесь и далее ссылки на российское законодательство даются по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.06.2021).

применять законодательство в едином формате по отношению к разным религиозным традициям. В этом случае парадоксальным образом осуществление принципа равенства может ставить разные религии в неравное положение из-за их глубокого различия. Одни и те же нормы способны накладываться на разные религиозные объединения различный объем обязанностей и ограничений. Это стало очевидным в ситуации принятия ограничительных мер в связи с пандемией COVID-19. При различии религиозных практик некоторые религиозные объединения столкнулись с большими трудностями, чем другие, поэтому проблемы действующего законодательства в сфере свободы совести и религиозных объединений не сводятся к несовершенству отдельных норм и практик правоприменения. Необходимо осмысление этих проблем на более высоком теоретическом уровне, включая области философии и теологии права.

Рецензируемая монография, на наш взгляд, имеет теоретическую ценность, выходя за рамки конституционного права и относясь к философскому знанию, вопросам морали и теологии.

К. М. Андреев небезосновательно считает, что при реализации религиозных конституционных свобод требуется делать различие «между внешними проявлениями свободы и убеждений, которые могут ставить под угрозу безопасность других людей (общественную безопасность), и теми проявлениями, которые касаются безопасности только непосредственно самого человека» (с. 14). Например, что касается вопроса права на смерть (*right to death*), то право на эвтаназию должно реализовываться в контексте потребностей и готовности общества, моральных и религиозных устоев. В этом смысле право на эвтаназию уже не только личный, но и общественный вопрос.

Отказ по религиозным воззрениям от медицинского вмешательства после смерти может быть оправдан с точки зрения религиозного мировоззрения определенных конфессий, но переливание крови и хирургическое вмешательство с целью спасения жизни — вопрос, затрагивающий не только самого человека, но и как минимум его семью. Главный критерий реализации свободы в данном случае, как указывает и сам автор, — вопрос защиты жизни человека (с. 16).

В документах ООН говорится: носители религиозного мышления убеждены, что их система ценностей является отражением единственно правильных норм морали². Однако опираться при этом на одну культурную и религиозную традицию при разнообразии национальном и религиозно-культурном в России вряд ли уместно. Унификация здесь неприемлема, а потому в этом вопросе мы не можем не согласиться с автором.

² См., напр.: General Comment No. 22: The right to freedom of thought, conscience and religion (Art. 18), п. 8 Замечаний общего порядка № 22 Комитета по правам человека к ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) о свободе совести и религии (48-я сессия, 1993 г.) // Управление ООН по правам человека. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=8&DocTypeID=11 (дата обращения: 20.04.2021).

В качестве причин сложностей реализации конституционных религиозных свобод К. М. Андреев выделяет некое неравенство религиозных конфессий и отсутствие концепции государственно-конфессиональных отношений. Это не совсем так. Российская Конституция и профильное законодательство о религии гарантирует равенство всем конфессиям (см. Преамбулу Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (далее — Закон № 125)). Ставить привилегированность и традиционность в синонимичный ряд не вполне корректно. В каждом обществе исторически складывается определенный тип ментальности, религиозных предпочтений и традиций. Есть целый ряд стран, включая западные демократии, где статус традиционных (государственных, народных и т. д.) имеют определенные конфессии, и демократические принципы при этом не страдают. В. С. Нерсесянц определял юридическое равенство как единство равной меры свободы и справедливости, где роль права — оценка фактического многообразия партикулярных отношений³. Что же касается концепции государственно-конфессиональных отношений, то ее роль с успехом выполняет традиция.

Небезынтересный, на наш взгляд, вопрос затрагивает К. М. Андреев, говоря об автономии религиозных организаций и степени вмешательства в нее государства. Он ссылается на некий «мобилизационный проект»⁴, который порождает необходимость борьбы с «внутренним врагом», чью роль якобы играют отдельные не вполне традиционные религиозные конфессии. Важность институтов гражданского общества в строительстве правового государства вне всяких сомнений⁵. Здесь интересен авторский анализ развития общественных институтов в рамках парадигмы западной европейской культуры. Речь идет об идеях Августина Блаженного, деятелей европейской Реформации, которые породили идею светского государства. Автор, в частности, утверждает, что французская Конституция 1791 г.⁶ и Декларация прав человека и гражданина⁷ — результат воплощения идеи преодоления *lex saepius* и первые антисакральные акты (в смысле их светскости). У России, следует заметить, все же свой путь, совмещающий византийскую концепцию «симфонии властей». Напрасно полагает К. М. Андреев, что последняя не работала и не работает в России. Это как с Конституцией: можно говорить о том, что ее высокие положения не в полной мере реализуемы, но само существование достаточно сбалан-

³ Нерсесянц В. С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.

⁴ См., напр.: Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск: Энциклопедия, 2013.

⁵ См., напр.: Сигалов К. Е. Гражданское общество как социокультурный и политико-правовой феномен // Гражданское общество в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 3–7.

⁶ Конституция Франции от 03.09.1791. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/etext/cnst1791.htm> (дата обращения: 30.11.2021).

⁷ Декларация прав человека и гражданина 1789 г. URL: https://www.concourt.am/hr/rus/un/6_5.htm (дата обращения: 30.11.2021).

сированного основного закона свидетельствует о том, что конституционный процесс происходит и развивается. Конституция РФ 1993 г. (ст. 31) и Закон № 125-ФЗ заложили основание гармоничных отношений в сфере религии.

Достаточно большой объем своей работы К. М. Андреев посвящает анализу положений «закона Яровой» (Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности») и дополнениям, внесенным в 2016 г. в Закон № 125-ФЗ (п. 1 ст. 24.1). Автор излишне категорично, на наш взгляд, говорит о том, что указанные нововведения поставили крест на естественном процессе формирования институтов гражданского общества, религиозных движениях, дезавуировали предшествующие шаги. Оценивать результаты будут историки, делать какие-то поспешные выводы слишком рано. Между тем процесс идет, и Россия в этом смысле являет собой не самую плохую модель государственно-конфессиональных отношений.

Проблему «закона Яровой» К. М. Андреев усматривает в несовершенной правоприменительной практике, которая стала одинаково оценивать самые разные проявления религиозной активности как миссионерскую деятельность. Оставим практикующим юристам вопросы правоприменения, сосредоточившись на близких нам дискуссионных проблемах.

Используя предложенную нами в свое время терминологию, К. М. Андреев убедительно говорит о важности новых дефиниций в правовой науке, которые он заимствует из миссиологии, — речь идет об акторе, адресате и контенте миссии⁸. Миссионерская деятельность, подчеркивает К. М. Андреев, рассматривается как деятельность религиозных объединений, совершаемая от их лица. Что же делать с отдельно взятым человеком? Могут ли его действия быть восприняты как миссионерские? В связи с этим интересна начатая нами ранее и продолжаемая К. М. Андреевым дискуссия о «девиантном акторе», который «формируется внутри экклезиологически неопределенного адресата миссии»⁹. К. М. Андреев переносит эту дискуссию из области теологического знания, миссиологии в область теории права и науки конституционного права. Это тоже вопрос национальной безопасности, так как он связан с феноменом новых религиозных движений, которые рождаются как результат чей-то индивидуальной (формально не оформленной групповой) активности.

Традиционна для К. М. Андреева тема «религиозной тайны»¹⁰. Автор указывает на трехаспектность ее интерпретации, определяя ее как специ-

⁸ См. об этом: *Митько А. Е.* (игумен Серапион) Православная миссиология в системе теологического знания. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. С. 40.

⁹ Там же.

¹⁰ См., напр.: *Андреев К. М.* Понятие и особенности религиозной тайны в рамках реализации конституционной свободы вероисповедания. М.: Юриспруденция, 2015.

фическую информацию, нормативный режим и вид тайны. Последнюю автор рассматривает как семейную, личную тайну, которая переплетается с религиозной. Здесь также имеются точки пересечения для начала дискуссии в рамках правовой науки и теологического прикладного знания.

Если не считать некоторых недостатков, связанных с излишней перегруженностью анализом судебной практики, монография К. М. Андреева «Право верить в современной России (вопросы реализации конституционной свободы вероисповедания)» — интересное событие в российском научном мире, способное привлечь исследователей различных научных областей. Не надо бояться говорить о несовершенстве законодательства, поскольку несовершенство выступает необходимым условием улучшения качества, к чему законодатели и призваны.

Статья поступила в редакцию 10 августа 2021 г.
Статья рекомендована к печати 1 сентября 2021 г.

Контактная информация:

Игумен Серапион (Митько Август Евгеньевич) — д-р теологии, д-р богословия, канд. филос. наук, проф.; serapion@list.ru

Moral and applied theological issues of the implementation of constitutional freedoms of conscience and religion*

Hegumen Serapion (Mit'ko)

HSE University,
11, Pokrovsky bul., Moscow, 109028, Russian Federation

For citation: Mit'ko A. E. Moral and applied theological issues of the implementation of constitutional freedoms of conscience and religion. *Issues of Theology*, 2021, vol. 3, no. 4, pp. 581–587. <https://doi.org/10.21638/spbu28.2021.410> (In Russian)

This review examines the main directions of Konstantin Andreev's, Candidate of Legal Sciences), analysis of modern Russian legislation on freedom of conscience and religious associations, as well as law enforcement practice in his monograph *The right to believe in modern Russia (issues of implementing constitutional freedom of religion)*, which has become one of the few works on this topical issue. In addition, the review addresses issues that arise at the intersection of several research fields: philosophy, theology and law. The high level of the peer-reviewed research, its relevance, theoretical value, scientific significance, and the interdisciplinary nature of the research are noted. The review considers the impossibility of applying legislation in a unified format to different historical and cultural confessional trends. The author's point of view regarding the implementation of religious constitutional freedoms is contemplated, and it provides possibilities for polemics with the author on the reasons for difficulties in the implementation of constitutional religious freedoms. The review deals with the problems of terminology and legislative regulation

* Review of monograph: *Andreev K. M. The right to believe in modern Russia (issues of implementing constitutional freedom of religion)*. Moscow: Pervaia obraztsovaia tipografiia Publ., 2020

of some aspects of missionary activity in the context of the latest adopted federal regulations. The peculiarities of Andreev's interpretation of the problem of "religious secrets" are pointed out. The value of the work for representatives of several branches of science is indicated.

Keywords: religion, freedom of conscience, freedom of religion, state-confessional relations, civil society, administrative law, constitutional law.

References

- Andreev K. M. (2015) *The concept and features of religious secrecy in the framework of the implementation of constitutional freedom of religion*. Moscow, Iurisprudentsiia Publ. (In Russian)
- Andreev K. M. (2020) *The right to believe in modern Russia (issues of implementing constitutional freedom of religion)*. Moscow, Pervaia Obraztsovaia tipografiia Publ. (In Russian)
- Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. (2013) *The mobilization model of the development of Russian society in the 20th century*. Cheliabinsk, Entsiklopediia Publ. (In Russian)
- Mit'ko A. E. (Hegumen Serapion) (2021) *Orthodox Missiology in the system of theological knowledge*. Moscow, UNITY-DANA Publ. (In Russian)
- Nersesiants V. S. (2002) "Philosophy of law: libertarian-legal concept", in *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 3–15. (In Russian)
- Sigalov K. E. (2014) "Civil society as a socio-cultural and political-legal phenomenon", in *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*, no. 3, pp. 3–7. (In Russian)

Received: August 10, 2021

Accepted: September 1, 2021

Author's information:

Hegumen Serapion (August E. Mit'ko) — Dr. Sci. in Theology, PhD in Philosophy, Professor; serapion@list.ru